

**МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ**

**МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ**

**ПОТАЕННЫЙ
СВЕТ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К64

Серия «Майкл Коннелли — король американского детектива»

Michael Connelly
LOST LIGHT

Перевод с английского *Г.П. Злобина*
Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Little, Brown and Company, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Коннелли, Майкл.

К64 Потаенный свет : [роман] / Майкл Коннелли ;
[пер. с англ. Г. П. Злобина]. — Москва : Издательст-
во АСТ, 2016. — 320 с. — (Майкл Коннелли — король
американского детектива).

ISBN 978-5-17-093162-0

Садистское убийство молодой женщины...
Дерзкое похищение двух миллионов долларов...
Вооруженное ограбление кафе, в результате которого
один полицейский погиб, а другой стал инвалидом...
Неужели эти преступления как-то связаны между собой?
Чтобы предположить такое, надо быть безумцем... или
гениальным детективом Гарри Босхом.
Однако стоит Босху высказать свои подозрения, как ему
начинают чинить препятствия.
Теперь Босх должен решить, как поступить дальше.
Забыть обо всем?
Или, рискуя жизнью, продолжить опасное расследова-
ние?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hieronymus, 2003
© Перевод. Г. П. Злобин, наследники, 2016
ISBN 978-5-17-093162-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Как много всего таится в сердце человека!»

Она сказала, что это строчка из одного стихотворения, которое ей очень нравится. Она понимала ее так: если примешь что-либо близко к сердцу, спрячешь под бархатистыми складками сердечных мышц, это навсегда останется при тебе. Останется, что бы ни случилось. Это мог быть человек, знакомое место, мечта, жизненное предназначение. Словом, все, что свято для тебя. Она говорила, что все это залегло в таинственных мышечных складках и пребудет там, подчиняясь единственно биению сердца.

Мне пятьдесят два года, и я уверовал в это. По ночам, когда не мучаюсь бессонницей, я лучше всего это осознаю. Тогда сходятся все пути, и я вижу людей, которых любил или ненавидел, помогал и приносил радость, или тех, кому причинял душевные страдания. Вижу, как тянутся ко мне их руки. Слышу стук их сердец и знаю, что́ должен делать. Я помню свое предназначение в жизни и никогда не иду в сторону и не поверну назад. Именно тогда отчетливо вижу, как много всего таится в сердце человека.

1

М

Меньше всего я ожидал, что Александр Тейлор откроет дверь. Это противоречит всему, что я знал о Голливуде. Человек, поставивший миллиардный рекорд кассовых сборов, никому не откроет дверь. Нет, он круглосуточно выставит перед входом охранника в форме. Тот разрешит мне войти только после того, как установит, что я за личность и какова цель моего посещения. Затем передаст меня дворецкому или в крайнем случае дежурной по первому этажу горничной, и та поведет меня внутрь. Наши шаги будут неслышны, как падающий снег.

Но в особняке на Бел-Эйр ничего подобного не произошло. Ворота оказались открыты, я подъехал на своей машине к самому дому и позвонил у входа. Странно, дверь открыл сам чемпион по кассовым сборам и жестом пригласил меня войти. Дом оказался огромным, точно его строили по чертежам стандартного международного аэропорта.

Тейлор — высокий крупный мужчина, однако легко нес свои сто килограммов, как и большую голову с шапкой вьющихся каштановых волос и парой голубых — для контраста — глаз. Бородка придавала его внешности артистичность, хотя область, где он трудился, имела лишь слабое отношение к искусству.

Тейлор был в синем спортивном костюме, который, вероятно, стоил больше, чем все, что надето на мне. На шее у него висело белое мохнатое полотенце, края его были засунуты за ворот. Порозовевшие щеки и частое затрудненное дыхание свидетельствовали о том, что я застал хозяина дома во время физических упражнений.

На мне был самый лучший мой костюм — однобортный, мышинового цвета. Три года назад я заплатил за него тысячу двести долларов. Я не надевал костюм девять месяцев, и потому мне пришлось счищать пыль с плеч. Впервые мне понадобилось снять его с вешалки в шкафу.

— Входите, — сказал Тейлор. — Сегодня я отпустил всю прислугу и вот занимаюсь... Хорошо, что гимнастический зал недалеко отсюда. Иначе я просто не услышал бы вас. Дом у меня просторный.

— Да, большая удача — иметь такой дом, — отозвался я.

Как и при первой нашей встрече четыре года назад, Тейлор не протянул руки для рукопожатия.

— Пойдемте! — бросил он и зашагал по мраморным плитам коридора, предоставив мне самому закрыть за собой входную дверь. — Не возражаете, если я продолжу упражнения на велосипеде, пока мы говорим?

— Нет.

Тейлор шел впереди, не обращая на меня внимания, словно я был привычной частью интерьера. Меня это тоже устраивало, давая возможность оглядеться.

За рядом окон слева расстился огромный, величиной с футбольное поле, зеленый ковер, на дальнем краю которого стоял гостевой дом или купальня. Воз-

ле него виднелся электрокар для гольфа. Я много чего повидал в Лос-Анджелесе — бывал и в трущобах, и в напоминающих дворцы особняках на вершинах гор, но такого имения внутри городской черты, где для игры в гольф приходится пользоваться транспортным средством, встречать мне не доводилось.

На правой стене были развешаны увеличенные и оправленные в рамки кадры из фильмов, поставленных Александром Тейлором. Кое-какие из них я смотрел, когда их крутили по телевидению, а остальные знакомы по рекламе. В основном боевики, их содержание вполне укладывается в тридцатисекундный ролик, так что особой необходимости идти потом в кино не возникает. Ни один из них не был искусством, как бы ни толковать это понятие. Но в Голливуде картины с острым сюжетом куда важнее искусства. Они приносят прибыль. А прибыль — самое важное.

Тейлор свернул направо, и я проследовал за ним в гимнастический зал. Посередине находился боксерский ринг. Вдоль зеркальных стен расставлены разнообразнейшие тренажеры. Словом, здесь было все, что нужно для реализации передовой идеи здорового тела. Тейлор легко сел на велотренажер и, нажав какие-то клавиши на цифровом дисплее перед рулем, принялся крутить педали.

На противоположной стене были смонтированы три больших плоских телевизора. Два настроены на круглосуточные информационные каналы, третий, с включенным звуком, — на программу Блумберга, регулярно сообщающего котировку ценных бумаг. Дистанционным пультом Тейлор сбавил звук. Это был еще один неожиданный жест вежливости со стороны

киномагната. Когда я договаривался с его секретаршей о визите, она говорила так, словно пыталась внушить, что мне жутко повезет, если я ухитрюсь вставить хоть два-три вопроса в непрерывные беседы ее босса по мобильному телефону.

— Вы один? — спросил Тейлор. — Я думал, вы с братом всегда на пару работает.

— Предпочитаю работать один, — коротко сказал я.

Тейлор разогнался до нужной скорости и теперь крутил педали равномерно. Я знал, что ему под пятьдесят, но выглядел он гораздо моложе. Наверное, сохранял бодрость и здоровье благодаря всем этим спортивным приспособлениям. А может, делал омолаживающие уколы и подтягивал кожу на лице.

— Поговорим до трех миль, — произнес он, скидывая полотенце с шеи. — Это около двадцати минут.

— Вполне достаточно.

Я потянулся во внутренний карман пиджака, но спиралька, держащая листы, зацепилась за подкладку. Я покрутил книжку раз, другой, дернул ее посильнее и услышал, как порвалась подкладка. Я улыбнулся, чтобы скрыть смущение, а Тейлор деликатно отвернулся к телевизионным экранам.

Больше всего из прежней жизни я жалею о таких мелочах. Двадцать лет я носил в кармане маленькую записную книжку в переплете. Книжки и блокноты на спиральках нам держать не позволяли: опытный адвокат подследственного всегда мог обвинить тебя в том, что ты выдрал листки с заметками, оправдывающими его клиента. Отсюда — записная книжка в переплете, которая к тому же не рвала подкладку пиджака.

— Хорошо, что вы позвонили и пришли, — промолвил Тейлор. — То, что случилось с Анджи, ужасно. Я до сих пор переживаю. Славная была девчужка, правда. Дело давнее, сложное, полиция, видимо, его забросила — так я думал.

Я молча кивал. Мне пришлось выбирать выражения, когда я договаривался с секретаршей о приходе. Нет, я не солгал ни единым словом, но меня можно было упрекнуть в том, что из-за моих туманных высказываний у нее сложилось обо мне неверное представление. Я должен быть предельно осторожным. Скажи, что я бывший полицейский, а теперь частный сыщик, надумавший по собственной инициативе ворошить старое, нераскрытое преступление, меня бы на пушечный выстрел не подпустили к рекордсмену по кассовым сборам.

— Мм... чтобы не было никаких недоразумений... — протянул я. — Не знаю, что вам сказала ваша секретарша, но я не из полиции. Больше не служу там.

На мгновение Тейлор остановился и снова начал крутить педали. С его покрасневшего лица катился пот. Он протянул руку к кармашку сбоку клавиатуры, достал из него очки и карточку с фирменным знаком его компании — квадрат с кольчатым плетением внутри. На карточке, как я успел разглядеть, было несколько написанных от руки строчек. Тейлор нацепил очки, прищурился и проговорил:

— Вот что у меня тут написано: «В 10 утра — детектив Гарри Босх, сотрудник ПУЛА». ПУЛА, как я понимаю, означает полицейское управление Лос-Анджелеса. Это написала моя Одри, добросовестный и аккуратный работник. Она у меня восемнадцать лет

трудится — с тех пор, когда я начал делать в Долине всякую чепуху для телевидения.

— Можно было бы сообщить, что я долгое время был детективом. В прошлом году ушел из ПУЛА. Вероятно, я неясно выразился и ваша Одри не поняла меня. Не вините ее.

— Я ее не виню, — отозвался Тейлор, глядя на меня поверх очков. — Так что же вам от меня нужно, детектив... или, лучше сказать, мистер Босх? Мне еще две с половиной мили ехать.

Справа от Тейлора стоял тренажер для брюшного пресса. Я присел на него, ничего не зацепив, достал из нагрудного кармана рубашки авторучку и приготовился записывать.

— Не знаю, помните ли вы меня, мистер Тейлор. Мы с вами встречались четыре года назад, когда убили Анджеллу Бентон. Ее нашли мертвой в подъезде дома, где она жила. Дело тогда поручили мне. Я приехал к вам, и мы беседовали в вашем служебном кабинете. Со мной еще была моя коллега Киз Райдер.

— А-а, помню, помню. Молодая чернокожая женщина. Она говорила, что знает Анджи. Кажется, занимались в одном тренажерном зале. Вы мне тогда оба понравились, сумели внушить доверие. Но потом куда-то пропали, и я ничего о вас не знал...

— Мы с Киз Райдер работали в голливудском отделе ПУЛА. Потом через несколько дней произошел тот большой налет с перестрелкой, и дело Анджеллы Бентон передали в отдел по раскрытию грабежей с убийством, сокращенно ОГУ.

С велосипеда раздался негромкий звонок, и я подумал, что он, видимо, отмерил первую милю.

— Помню тех мужиков, которые вас сменили, — язвительно продолжил Тейлор. — Не понравились они мне. Два сапога пара. Не внушали доверия. Один набивался в консультанты, вместо того чтобы искать убийцу Анджи. Как они, еще служат?

— Одного прикончили, другой на пенсии.

Я знал Дорси и Кросса. Что бы ни говорил Тейлор, они были хорошие сыщики. Среднячков и сачков в ОГУ не берут. Но я предпочел не сообщать хозяину, что Джек Дорси и Лоутон Кросс стали известны всему лос-анджелесскому сыску благодаря жуткому невезению. Через несколько месяцев после гибели Анджеллы Бентон они проводили расследование, зашли в голливудскую забегаловку перекусить и промочить горло. Заняли отдельную кабинку со своими сэндвичами и виски, и тут в кафе ворвался вооруженный грабитель. Очевидцы рассказывали, что Дорси, сидевший лицом к двери, схватился за пистолет, но налетчик всадил в него пулю до того, как он успел спустить предохранитель. Еще не грохнувшись на пол, Дорси был уже мертв. Затем грабитель выстрелил Кроссу в голову, вторая пуля прошла бедняге шею и застряла в спине. Последним застрелили в упор бармена.

— Что произошло потом? — Вопрос сугубо риторический, и в голосе Тейлора не звучало сожаления по поводу несчастья, постигшего обоих полицейских.

— Ничего. Об убийстве Анджеллы Бентон просто забыли. Дело покрылось пылью, как и дрянной костюм, который висел у вас в шкафу, пока вы не решили приехать ко мне.

Мне пришлось проглотить обиду. Я даже кивнул как бы в знак согласия. Не знаю, что огорчало и раз-

дражало его больше всего: нераскрытое убийство Анджеллы Бентон или то, что случилось после него, — ограбление, еще одно убийство и прекращение съемок фильма.

— Те двое целых шесть месяцев пытались найти убийцу Анджеллы Бентон, — произнес я. — Но вскоре произошло несколько преступлений. Навалились новые дела, мистер Тейлор, не то что в ваших картинах. У нас всегда хватает дел.

— Дел всегда хватает, — усмехнулся Тейлор. — Слышали мы эту отговорку. Ссылки на перегрузку не новость. Убита молодая женщина? Похищена крупная сумма денег? Что делать, у нас новые дела.

Я ждал, когда Тейлор выговорится.

— Проходит четыре года, и вот являетесь вы. Чего вы добиваетесь, Босх? Или попросили близких Анджи нанять вас?

— Нет. Ее родители в Огайо. Я ни с кем не связывался...

— Ну и что?

— Меня мучает нераскрытое преступление. Оно не дает мне покоя. По-моему, этому делу... как бы выразиться... не отдались целиком.

— И это все?

— Все, — кивнул я.

— Хорошо. Пятьдесят тысяч.

— Что?

— Плачу пятьдесят тысяч, если вы раскроете преступление. Без развязки я никогда не досниму ту ленту.

— Мистер Тейлор, вы меня неправильно поняли. Мне не нужны ваши деньги. Мы не в кино. Мне необходима ваша помощь.

— Не вам судить, какой сюжет годится для экрана, а какой нет. Мысль о бежавшем преступнике преследует сыщика — вечная и верная тема. Итак, пятьдесят тысяч аванса, об остальном договоримся позднее.

— Спасибо, что уделите мне время, мистер Тейлор. Попытаюсь сам найти дорогу. Если заблужусь, пушу сигнальную ракету.

Я встал с тренажера, шагнул к двери. Позади раздался второй звонок. Тейлор бросил мне вдогонку:

— Я вышел на финишную прямую! Ладно, задавайте свои вопросы. Зато сэкономлю пятьдесят тысяч.

Я раскрыл записную книжку, но продолжал стоять.

— Давайте начнем с ограбления, — промолвил я. — Кто из вашей компании знал о двух миллионах долларов? Я имею в виду, кто знал подробности: когда их привезут на съемочную площадку, как станут грузить, везти и разгружать? Постарайтесь вспомнить все до последней мелочи. И всех, кто был задействован в доставке. Начнем с нуля.

2

Анджеллу Бентон убили в тот день, когда ей исполнилось двадцать четыре года. Тело нашли в подъезде ее дома на Фаунтин-стрит, недалеко от площади Ла-Бреа. В ее почтовом ящике обнаружили ключи от квартиры и две поздравительные открытки, отправленные из Колумбуса, штат Огайо. Открытки были от родителей, они захотели каждый по-своему пожелать счастья и здоровья единственной дочери.